Слово редактора-составителя

Владимир В. Картавцев
РАНХиГС, Москва, Россия

50 оттенков «темного»: политическая антропология, ее двойники и сводные братья

doi: 10.22394/2074-0492-2016-4-8-13

Профессор антропологии Калифорнийского университета Шери Ортнер последние несколько десятилетий изучает, как и по каким причинам видоизменяются идеологические основания работы ее коллег по цеху. Первая влиятельная статья Ортнер на эту тему вышла в 1986 году [Ortner, 1986], вторая — этим летом, спустя 30 лет [Ortner, 2016]. Конечно, Ортнер — не единственный автор, который составляет широкие систематические обзоры антропологической литературы. Тем не менее ей лучше многих удается отыскивать метафоры, схватывающие крупнейшие сдвиги внутри дисциплины, оставаясь при этом на уровне обобщения, который позволяет взглянуть на калейдоскоп «поворотов» в антропологии, находясь за рамками «партийности».

Однако работа с метафорами — дело опасное. Слова, при помощи которых мы стремимся освоить тот или иной феномен, порой оборачиваются против нас и начинают «осваивать» своих авторов, порождая неочевидные следствия из, казалось бы, осмысленных и однозначных интенций. Это и произошло с Ортнер. В своем последнем

Картавцев Владимир Владимирович — старший научный сотрудник Лаборатории методологии социальных исследований ИНСАП РАНХиГС. Научные интересы: политическая антропология, история и теория антропологии, методика этнографической работы. E-mail: kartavtsev.vladimir@gmail.com

Kartavtsev Vladimir Vladimirovich — Senior research scientist, Laboratory for Social Research Methodology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Research interests: political anthropology, history and theory of anthropology, methodology of ethnographic research. E-mail: kartavtsev.vladimir@gmail.com

Социология власти
Том 28
№ 4 (2016)

тексте она попыталась объяснить одержимость современной западной антропологии темами власти, эксплуатации и неравенства, презентовав метафору «темной антропологии». В результате она оказалась втянута в «силовое поле» семантики собственных слов: разговор о «темном» потребовал изыскать обратную метафору — ту, которая схватывала бы в дисциплине нечто, выходящее за границы. Так появился на свет странный родственник «темной антропологии», ее диалектический двойник — «антропология добра», «исследования счастья и хорошей жизни» (anthropologies of the good, studies of the good life and happiness). В этот момент исходная метафора начала играть против своего автора.

На проблемы противопоставления «темного» — «хорошему» (или «счастливому») указал Дэвид Гребер — автор, сам являющийся иконой «темной антропологии». Ему потребовалось всего четыре страницы довольно небрежно написанного текста [Graeber, 2016], чтобы продемонстрировать аргумент, работающий одновременно «за» и «против» позиции Ортнер. «За» — в том смысле, что главная интуиция Ортнер верна: «темные антропологи» действительно существуют, и они оккупировали дисциплину за последние тридцать лет. «Против» — потому что «антропология добра» — это вовсе не альтернатива критической активистской антропологии, а в лучшем случае ее дальний сводный родственник, живущий за счет тех исследователей, чья работа инспирирована политической теорией и конъюнктурой. Добро — не альтернатива «тьме», а лишь набор ее оттенков.

В конце текста Гребер задает лукавый вопрос, делая вид, что не знает ответа. «Есть ли что-то внутренне присущее природе антропологического исследования, что сделало этот популистский поворот [в сторону изучения «униженных и оскорбленных» с критических позиций — *В.К.*] неизбежным? (Хочу отметить особо: я не знаю ответа на этот вопрос.) И если сама антропологическая практика подразумевает определенную политику, то какой именно такая политика могла бы быть?» [Graeber, 2016, p. 8]. Парой абзацев выше Гребер дает понять читателю, что на самом деле ответ ему прекрасно известен: политика антропологического исследования может иметь только один извод — критический. Между строк мы читаем: так происходит потому, что представить себе «правую» или «консервативную», откатившуюся к «базовым настройкам» колониальных времен антропологию попросту невозможно. Не для того дисциплина совершила столько головокружительных методологических и теоретических «поворотов» за последнее столетие.

Гребер прав: отбросить установку на работу с политическим в рамках антропологической практики вряд ли получится. Да и незачем. В этом смысле любая антропология, если и не превращается

полностью в антропологию политическую, должна совершить высказывание о политическом, выстраивая собственную идентичность. Мы все так или иначе «темные антропологи»; даже те из нас, кому такой ярлык кажется нелепым. Так метафора Ортнер задала пространство возможного.

Тем не менее ни одна метафора не живет вечно. Проблемы с антропологической работой из критической установки возникают тогда, когда критический пафос подменяет пафос исследовательский. Принимая в качестве очевидных последствия генезиса существующего социального порядка (проговоренные и утвержденные фигурами масштаба Арендт, Фуко, Агамбена и проч.), антрополог теряет возможность различения. Чтобы оставаться антропологом, приходится превращаться в политического философа или хотя бы научиться ему подражать. И это заставляет надеяться, что, если не следующая большая метафора антропологической работы, то, вероятно, очередной «поворот» в дисциплине произойдет именно в связи со «снежной слепотой» ее практиков.

Создавая подборку текстов, которые вошли в этот номер, мы ставили перед собой двойную задачу. Во-первых, нам показалось необходимым актуализировать и проговорить дисциплинарное напряжение, существующее в отечественной социальной науке. Это напряжение возникло (однако пока еще не вышло на свет) в связи с ростом внимания российских социальных исследователей к политической философии в самых разных ее изводах на протяжении последних двадцати лет. Это внимание является, по всей видимости, отражением глобального тренда политизации знания о социальном. Однако в наших условиях возникает опасность подмены одного другим. Напряжение, о котором мы говорим, проявляет себя в первую очередь в отождествлении политической антропологии с политической философией. Парадокс, с которым мы столкнулись, заключался в том, что ощущение напряжения не оказалось подкреплено наличием внятно проговоренных и полемизирующих друг с другом позиций. Кто они, те политические антропологи, чья работа отлична от работы политических философов? Так перед нами возникла вторая задача — задача реального возведения дисциплинарных границ, необходимых для ведения диалога. Отсюда та полемичность композиции номера, которую не сможет не заметить читатель.

Теоретический блок номера открывает статья Альберта Саркисьянца, в которой автор деконструирует концепцию политики Жака Рансьера. Нам показалось важным проговорить событийную концепцию политического, концепцию разрывов и избыточности, возникающую в противовес представлениям о политике как регулярной деятельности уполномоченных агентов, во многом для того, чтобы попытаться перекинуть мост от подобных сугубо полити-

ко-философских построений к способам полевого антропологического осмысления событийности. Примером последнего является недавно вышедший сборник работ под редакцией Брюса Капферера и Лотты Майнерт — наследников традиции Манчестерской школы социальной антропологии [Meinert, Kapferer, 2015].

Вторая теоретическая статья номера — текст Давида Хумаряна, иллюстрирующий, каким образом могут быть прочитаны классические труды основоположников нашей дисциплины, — Эмиля Дюркгейма и Марселя Мосса. Автор показывает, что этнографический материал, с которым работают классики, предполагает несколько способов прочтения, и один из них — прочтение сквозь политико-философскую призму. Этот шаг позволяет, с одной стороны, переосмыслить ключевой вопрос дюркгеймианской эпистемологии о происхождении категорий знания; а с другой — дает возможность реактуализировать дискуссию о ритуале в антропологии, на этот раз для того, чтобы разобраться, в каких именно отношениях находится механизм коллективного производства категорий мышления и политический процесс субъективации.

Другой подход к проблематике субъектности в антропологии дается в статье Григория Юдина, одновременно венчающей теоретический блок номера и служащей переходом к блоку эмпирических текстов. Автор описывает ситуацию полевого исследователя и показывает, почему тот несвободен от политических предпосылок собственной практики. Интересен фокус внимания, который выбирает автор: его интересует не «антрополог вообще», работающий в своем поле, а специфическая фигура интервьюера, реализующего социологическое исследование в российских условиях. Эту статью вряд ли могут оставить без внимания все, кто занимается прикладной социологией в России или причастен к анализу данных подобных исследований.

Подборка раздела эмпирических исследований открывается текстом Сергея Мохова, чья исследовательская эмблема — изучение российской похоронной индустрии. Автор на основе богатейших эмпирических данных описывает, как вокруг процесса похорон складываются локальные политические отношения и властные диспозиции «на местах», а также то, какую роль в распределении власти играет констелляция «сломанной-работающей» инфраструктуры похоронного дела.

Продолжает номер полемически заостренная статья Константина Гаазе. Идея текста состоит в том, чтобы, используя теоретический ресурс акторно-сетевой теории и философии Жака Деррида, дать арьергардный бой «темным антропологам», показав, как можно обнаружить и исследовать локальные и множественные практики правительности, отказавшись от сведения последней к единому он-

тологическому основанию — будь то биополитика, «структурное насилие» или нечто иное. Статья построена на анализе связи между материальной практикой российской бюрократии — рукописным письмом — и спецификой российской же правительности. Как всякое программное заявление или манифест, текст провоцирует желание вступить в спор.

Подборка эмпирических текстов номера завершается статьей Анны Кругловой. Автор продолжает традицию полевого письма, стилистически заданную Майклом Тоссигом [см., например, Taussig, 2009, 2011, 2012]. Анна Круглова представляет (или, учитывая контекст, лучше сказать — «дарит») читателю «свидетельство», специфический жанр повседневного общения, изученный ею в Перми. Свидетельство выступает средством, благодаря которому автору удается ввести в оборот концепт «вернакулярного марксизма». Сложно сказать, кто из двух авторов нашего номера — Константин Гаазе или Анна Круглова — отчетливее противопоставляют себя традиции «темной антропологии». Однако точно понятно одно — они оба делают это, и если первый сражается скорее на уровне теории, то вторая — на уровне поэтики антропологического письма.

В номере два переводных текста. Первый перевод, подготовленный Андреем Корбутом, — это статья Джеймса Фергюсона и Ларри Ломана, рассказывающих о том, почему программы модернизации и развития «отсталых» стран Третьего мира (в данном случае речь идет о Лесото) раз за разом оказываются провальными. Авторы, резюмируя содержание своей книги, написанной по следам полевого антропологического исследования, показывают, что в основе модернизационных программ лежат представления о социальном устройстве Лесото, которые не имеют практически ничего общего с местной реальностью.

Второй — статья Дидье Фассена, продолжающего работать в оптике Мишеля Фуко и изучающего то, как устроены психиатрическая лечебница и тюрьма в современных обществах. Однако теперь перед нами не исследование по истории понятий, а антропологический текст, написанный на актуальном эмпирическом материале. Перевод выполнили Екатерина Ракунова и Иван Напреенко.

Раздел рецензий открывается обзором Григория Горбуна книги Френсиса Коуди, которая посвящена движению за грамотность «Ариволи Ийаккам» (Arivoli Iyakkam), действовавшему в регионе Тамил-Наду в Южной Индии с 1990 по 2009 годы. Рецензия вводит читателя в малоизвестный в России контекст антрополого-лингвистических исследований.

Далее Виктор Вахштайн представляет обзор «академического завещания» Джона Урри — книги «Офшоры», вышедшей за два года до смерти исследователя и только что увидевшей свет на русском.

Автор рецензии объясняет, почему британскому социологу не удалось предложить своей убедительной альтернативы теориям глобализации 1990-х.

Закрывает номер (и, мы надеемся, подчеркивает его драматургию) рецензия Константина Гаазе на недавно опубликованную на русском языке книгу Дэвида Гребера «Утопия правил. О технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии». Рецензент показывает, почему автор наперекор социологической и антропологической традиции уверен, что критическое изучение бюрократии нужно начинать с чистого листа.

Так — на стыке философских исследований власти и этнографического изучения конкретных ее проявлений — был собран этот тематический номер. То, насколько верно нам удалось ухватить суть неоднозначных отношений между теоретизированием о политическом и его образом, выхваченном из «поля» — судить читателю. Нам остается надеяться, что работа, проделанная авторским и редакторским коллективом, послужит началом напряженного диалога между всеми исследователями, заинтересованными в предмете политической антропологии.

Библиография/References

Graeber D. (2016) Reflections on Reflections. *Hau: Journal of Ethnographic Theory,* 6 (2).

Lotte M., Kapferer B. (eds) (2015). *In the Event: Toward an Anthropology of Generic Moments.* N.Y.: Berghahn Books.

Ortner S. (1984). Theory in anthropology since the sixties. *Comparative Studies in Society and History,* 26 (1).

Ortner S. (2016) Dark anthropology and its others. Theory since the eighties. *Hau: Journal of Ethnographic Theory*, 6 (1).

Taussig M. (2009) *My Cocaine Museum*. Chicago: University of Chicago Press.

Taussig, M. (2011). *I swear I saw this: drawings in fieldwork notebooks, namely my own.* Chicago: University of Chicago Press.

Taussig M. (2012) Excelente Zona Social. *Cultural Anthropology*, 27, Iss. 3.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Картавцев В.В. (2016) 50 оттенков «темного»: политическая антропология, ее двойники и сводные братья. *Социология власти*, 28 (4): 8-13.

Kartavtsev V. (2016) 50 Shades of 'Dark': Political Anthropology, Its Look-Alikes and Stepbrothers. *Sociology of power*, 28 (4): 8-13.